

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.17>

UDC 94(47+57)«1941/1945»:341.321.1
LBC 63.3(2)622-7

Submitted: 01.10.2024
Accepted: 06.12.2024

TRANSPORTATION OF ROSTOV REGION RESIDENTS TO FORCED LABOR IN THE THIRD REICH IN 1942–1943: TRAUMATIC EXPERIENCE AND SURVIVAL METHODS OF “EASTERN WORKERS”

Valentina A. Ageeva

Anton Chekhov Taganrog State Institute (branch) of the Rostov State University of Economics,
Taganrog, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Transportation to forced labor is a special stage of a kind of “initiation” of Soviet citizens into slaves of the Third Reich, “Untermenschen,” associated with violent separation from their home, relatives, and established way of life, with a one-time transition to a destructive situation of loss of personal freedom, humiliation of human dignity, and physical and psychological exhaustion. *Methods and materials.* The author relied on the approaches of historical anthropology, historical psychology, and the history of everyday life. The source base of the study was formed by the documents of the Rostov Regional Commission for the Accounting of Damage and Atrocities Inflicted by the Nazi Occupiers on Institutions, Enterprises, and Citizens of Rostov and the Rostov region and the memories of natives of the Don who survived Nazi slavery. *Analysis.* The article describes the key stages of organizing the transportation of “Eastern workers”: from collections in the region to the distribution point in the Third Reich. The first psychological shock was caused by the forced separation from home and relatives, which “Eastern workers” experienced during the departure from the collection points of the cities and districts of the region. During transportation, people entered the stage of psycho-emotional overload associated with both psychophysiological stressors (hunger, lack of sleep, pain) and with the experience of aggression and violence, humiliation of personal dignity, perception of their own and others’ suffering, death of other people, group isolation, and uncertainty of the future. The article also reflects forms of resistance through escapes during stops at stations and the possibility of rescue by partisans during combat operations. *Results.* The transportation of residents of the Rostov region in 1942–1943 to Nazi Germany was one of the first stages of the psychological and physiological breakdown of Soviet citizens by the Nazis, who were destined to become “slaves” of the Third Reich. *Funding.* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

Key words: Eastern workers, Third Reich, occupation, Rostov region, extreme transportation conditions, freight car, psychological and physical exhaustion.

Citation. Ageeva V.A. Transportation of Rostov Region Residents to Forced Labor in the Third Reich in 1942–1943: Traumatic Experience and Survival Methods of “Eastern Workers”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 207-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.17>

УДК 94(47+57)«1941/1945»:341.321.1
ББК 63.3(2)622-7

Дата поступления статьи: 01.10.2024
Дата принятия статьи: 06.12.2024

ТРАНСПОРТИРОВКА ЖИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ТРЕТИЙ РЕЙХ В 1942–1943 ГГ.: ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СПОСОБЫ ВЫЖИВАНИЯ «ВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ»

Валентина Анатольевна Агеева

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета, г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Транспортировка на принудительные работы – это особый этап своеобразной «инициации» советских граждан в рабов Третьего рейха, «унтерменшей», связанный с насильственным отрывом от своего дома, родных, устоявшегося уклада жизни, при одномоментном переходе в деструктивную ситуацию потери личной свободы, унижения человеческого достоинства, физического и психологического истощения. *Методы и материалы.* Автор опирался на подходы исторической антропологии, исторической психологии, истории повседневности. Основу источниковой базы исследования составили документы Ростовской областной комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области, и воспоминания уроженцев Дона, переживших нацистское рабство. *Анализ.* В статье описаны ключевые этапы организации транспортировки «восточных рабочих»: от сборов на территории региона до пункта распределения в Третьем рейхе. Первый психологический шок, обусловленный насильственным отрывом от дома и родных, «восточные рабочие» испытывали во время отправки со сборных пунктов городов и районов области. Во время транспортировки люди вступали в стадию психоэмоциональной перегрузки, связанной как с психофизиологическими стрессорами (голод, недостаток сна, боль), так и с переживанием агрессии и насилия, унижения личного достоинства, восприятием своих и чужих страданий, смерти других людей, групповой изоляцией, неопределенностью будущего. Нашли отражение в статье и формы сопротивления посредством побегов во время остановок на станциях и возможность спасения партизанами в ходе боевых операций. *Результаты.* Транспортировка жителей Ростовской области в 1942–1943 гг. в нацистскую Германию являлась одним из первых этапов психологической и физиологической ломки нацистами советских граждан, которым была уготована судьба «невольников» Третьего рейха. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

Ключевые слова: восточные рабочие, Третий рейх, оккупация, Ростовская область, экстремальные условия транспортировки, товарный вагон, психологическое и физическое истощение.

Цитирование. Агеева В. А. Транспортировка жителей Ростовской области на принудительные работы в Третий рейх в 1942–1943 гг.: травматический опыт и способы выживания «восточных рабочих» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 207–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.17>

Введение. Тема исследования отличается высоким уровнем научной и общественно-политической актуальности, обусловленным, с одной стороны, ее соответствием современным направлениям исследовательского поиска, а с другой – активным использованием истории Второй мировой / Великой Отечественной войны в политике памяти постсоветских государств. Война стала одной из масштабных антропогенных катастроф в истории XX века. С 2000-х гг. набирают темп тенденции искажения исторической памяти о войне в современном geopolитическом пространстве, пересматривается роль СССР в Победе над фашизмом, возрождаются идеи неофашизма и неонацизма в странах Европы и на постсоветском пространстве. С уходом из жизни жертв Третьего рейха как непосредственных носителей памяти, эти страны теряют иммунитет против нацизма, ярким примером этого являются современные события. В связи с этим особенно важным становится обращение к материалам и документам, свидетельствующим о злодеяниях нацистов, их союзников и пособников, совершенных в от-

ношении мирных жителей СССР, испытавших все тяготы и ужасы оккупационного режима. В ходе Нюрнбергского процесса увод в рабство гражданского населения Международный военный трибунал признал одним из главных преступлений Третьего рейха против человечности [15].

Советских граждан, насиливо вывезенных во время Великой Отечественной войны на работы в Германию, называли «восточными рабочими». С территории Ростовской области на принудительные работы в Германию было угнано 84 030 чел. [24, л. 2].

Транспортировка на принудительные работы – это особый этап своеобразной «инициации» советских граждан в рабов Третьего рейха, «унтерменшей», связанный с насильственным отрывом от своего дома, родных, устоявшегося уклада жизни, Родины, при одномоментном переходе в деструктивную ситуацию потери личной свободы, унижения человеческого достоинства, физического и психологического истощения. Путь до конечного пункта принудительного трудоиспользования мог длиться до четырех недель, в процессе

которого у части обреченных на животном уровне появлялось чувство смирения со своей участью и страха физической расправы, облегчающие дальнейший этап формирования покорного раба, человека «второго сорта».

Одним из первых в отечественной историографии к изучению судьбы советских военнопленных и гражданских рабочих в годы Второй мировой войны обратился П.М. Полян [19]. В его монографии показаны исторические предпосылки принудительного трудоиспользования гражданских лиц в Германии, описываются инструменты вербовки и принудительной отправки в Германию, представлена система трудоиспользования «восточных рабочих» и советских военнопленных, особенности их быта и др. Большой интерес для раскрытия заявленной в статье темы представляет исследование Е.Ф. Кринко [11], в котором нашел отражение и сюжет транспортировки подростков из Советского Союза. Особую ценность имеет источниковая база данной работы, включающая опросные листы. Отдельное место в современной историографии занимает опубликованная в Германии статья ведущего отечественного специалиста по изучению проблематики принудительного труда в Третьем рейхе Н.П. Тимофеевой [26]. Стоит отметить, что на протяжении последних десятилетий существенно возрос исследовательский интерес со стороны отечественных профессиональных историков к изучению политики нацистской Германии, которая была нацелена на насильственное перемещение гражданского населения для последующего трудоиспользования в немецком хозяйственном комплексе [1; 2; 12; 18]. В то же время изучение историографии данной проблематики показывает, что в исторической литературе пока еще слабо изучен сюжет о транспортировке советских граждан на принудительные работы в Третий рейх.

Цель нашей работы – охарактеризовать путь в нацистскую Германию как один из первых экстремальных этапов психологической и физиологической ломки нацистами советских граждан, которым была уготована судьба невольников, и обобщить травматичный опыт выживания жителей Ростовской области в условиях транспортировки на принудительные работы в Третий рейх.

Методы и материалы. Автор опирался на подходы исторической антропологии, исторической психологии, истории повседневности. Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности при анализе и обобщении материала. Анализ выполнен на основе архивных документов и источников личного происхождения. Значительная информация о пунктах сбора, бытовых условиях, транспортировки, мерах наказаний и побегах угоняемых мирных жителей Ростовской области в Третий рейх сохранилась в материалах фонда Р-1886 Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Отдельные документы впервые вводятся в научный оборот. Значимую роль в изучении избранной проблемы играют опубликованные и неопубликованные воспоминания участников и очевидцев событий. Документы личного происхождения стали основой для раскрытия индивидуально-психологического восприятия «восточными рабочими» своей судьбы рабов Третьего рейха и их адаптации к экстремальной повседневности узников товарных вагонов. Особый вид источника представляют автобиографические художественные и документально-художественные издания ростовчан В.Н. Сёмина [23] и Е.В. Моисеева [13].

Анализ. Общее руководство процессом угона на принудительные работы в Третий рейх мирных жителей Ростовской области осуществляли хозяйственная команда г. Сталино (Донецк) и командование 6-й армии вермахта. Средства запугивания к мирным жителям региона применялись сразу же с момента организации их сбора для транспортировки посредством указаний оккупационных властей, вручения повесток биржи труда, облав и др. В одном из приказов военного коменданта содержалось предостережение – всем, кто не зарегистрируется на бирже труда для отправки на работы в Германию, грозил расстрел. Такие приказы были расклеены по всему городу [14, с. 125]. Угрозы сыпались не только в отношении непосредственно самих угоняемых, но и в адрес их родных. Оккупанты манипулировали чувствами, в основном детей, к своим родителям и близким людям, которым грозили жестокие наказания: «Я родилась в Таганроге; мне было 16, когда началась война. Тог-

да нас и начали забирать. Немцы сказали, если мы не поедем с ними в Германию, они убьют наши семьи. В городе стояли виселицы, на которых вешали людей» [6, л. 12].

В архивах сохранились документы, в которых родные так описывали последнюю ночь своих близких дома: «Бедная девушка убивалась, она падала в обморок, ей трудно было расстаться с родным домом» [16, л. 49]. Родители переживали не меньше своих детей: «...они под насилием назначили мою dochь Мироненко... комиссия признала ее годной для эксплуатации немцами и на гиблое мучение, а отцу и матери тяжелая грусть и на сердце большая печаль» [10, л. 57].

Процесс сбора в дальнюю в дорогу происходил по-разному. Одни получали для этого несколько дней [6, л. 3]. Другие – несколько часов: «4-го ноября в 12 часов ночи моей дочери вручили повестку для отправления в Германию, а к 5-ти часам утра того же числа моя dochь должна была быть готова к отправке. Что я могла приготовить ей в такой срок» [16, л. 49].

В самом бедственном положении оказывались те, кого забирали внезапно из дома отправляли на временные сборные пункты: «Моя dochь скрывалась от мобилизации в Германию до ноября месяца. В ноябре 1942 г. пришел на дом полицейский в 5 часов утра, забрал с постели и повел где находилась фашистская биржа труда, где просидела в подвале до 13-го ноября после этого их всех под конвоем повели на Нахичеванский полустаночек» [9, л. 193], и те, кто попадал в облаву и отправлялся к месту транспортировки не из дома [13, с. 58].

Сохранились сведения о том, как в феврале месяце в г. Шахты, несмотря на отступление, немцы успели на бирже труда составить описи на 12 тысяч жителей, которых должны были угнать в рабство. По итогам оккупантам удалось вывезти около 5,5 тысяч рабочих г. Шахты. Чтобы добиться такой цели, немецкие патрули, жандармерия, полиция и гестапо организовывали массовые облавы на местное население. Несмотря на зимнюю стужу, оккупанты конвоировали колонны полураздетых и голодных жителей для последующей транспортировки [4, л. 112].

Одна из колхозниц Волошинского района так описывала проводы своей дочери: «Мы

проводили Марусю на вокзал. Тысячи молодых юношей и девушек грузили в товарные вагоны, которые были под зоркой охраной. Гул паровоза смешался с криками и воплями, жаль было смотреть на бедных, измученных от слез детей, они были убиты и ходили как потерянные. Трудно представить жуткую картину. Нашей оставшейся семье каждую минуту грозила опасность, мы могли подвергаться казни и пыткам...» [17, л. 54]. Из г. Пролетарска на работы в Германию были увезены 1 800 человек. Все они проживали на территории города и прилегающего к нему района. Вся молодежь, среди которой встречались подростки, молодые женщины и девушки, насиливо сгонялась на вокзал. Затем, разлучив с семьями, их сажали в эшелоны и закрывали вагоны, препрятывая путь провожающим. Таким образом, у родственников не было никакой возможности попрощаться с угнанными в рабство [3, л. 12]. Так, уже в ходе расставания с домом, отезжающие, большинство из которых были подростки, испытывали состояние первичного психологического шока, связанного с насилиственным отрывом от родных.

Запись в дневнике таганрожца Н. Саенко от 10 мая 1942 г. демонстрирует то, что жители оккупированных территорий не питали иллюзий и прекрасно понимали, что их ждет на чужбине: «Сегодня была очередная отправка людей в Германию. Отправлялась исключительно молодежь: ребята, девки и юноши не семейные. Сколько плачущих, как уезжающих, так и провожающих... Если нам, советским людям, всмотреться как следует в эти насилиевые отправки людей, то невольно воображаются старые времена рабовладельчества...» [8, л. 91].

Транспортировка мирных жителей Ростовской области в Германию осуществлялась по железной дороге через территорию Украины и Польши [25, с. 144]. В документах сохранились упоминания следующих станций на территории Ростовской области: Миллерово, Мальчевская, Красновка, Ростов-на-Дону [5, с. 157], где собирали партии жителей региона для отправки в нацистскую Германию. Из других населенных пунктов области до этих станций добирались в основном пешим ходом. Один из бывших «восточных рабочих»

вспоминал о том, как 3 октября 1942 г., когда Новочеркасск находился под властью гитлеровцев, он и многие граждане были вызваны в бюро труда, где узнали об отправке в Германию. После этого все угнанные направились в г. Ростов пешком колоннами, а там были погружены в товарные вагоны по 50 чел. в каждом [14, с. 157]. Угоняемых из отдаленных поселков иногда доставляли до станций на подводах [10, л. 57].

Несмотря на то что в г. Таганроге были железнодорожные станции и через них следовал транспорт с угнанными жителями, например из г. Ростова-на-Дону [20, л. 42], во многих воспоминаниях таганрожцев, переживших рабство Третьего рейха, отмечается, что они сначала пешим порядком преодолевали расстояние примерно в 120 километров до Мариуполя, и только потом их грузили в вагоны [21, л. 38].

Перевозили «восточных рабочих» в вагонах, не приспособленных для длительной транспортировки людей. Из рассказа ростовчанки Л. Матвиенко: «Раннее утро 5 сентября 1942 года. Под конвоем, в строю, с котомками, узлами и чемоданами нас пригнали на Ростовский вокзал. Здесь мы ждали целый день. Вечером подали длинный состав товарных вагонов... нас, как скот, загнали в эти вагоны. Они были грязны, полны мусора, угольной пыли. Ни скамеек, ни нар... Лязгнули буфера. Их стук отдался в моих ушах, как погребальный звон. Он заглушил наши отчаянные, прощальные крики» [7, с. 66].

В пути следования «восточные рабочие» погружались в ситуацию подавления и разрушения личности. Многие вспоминали, что в вагоны «утрамбовывали» по 50–60 чел. без разделения по гендерному признаку. Для предотвращения попыток побега и исключения возможности людей самостоятельно регулировать свои действия во время пути, замки располагались снаружи вагона. С этим обстоятельством связано нарастание стрессовой ситуации и ощущение ужаса от того, что твоя собственная жизнь больше тебе неподконтрольна. Это психологическое состояние усиливалось на остановках, когда охрана палками выгоняла людей из вагонов и также загоняла обратно. Таганрожец Белоусов на всю жизнь запомнил момент, связанный со своей

беспомощностью перед «немецкими господами»: «В пределе двух недель мы ехали до Германии. Когда нас привезли в Лембергс, тогда это был Львов, без разницы. Там была, значит, дезинфекция, и мы впервые попробовали, как бьют палками по головам. Потому что надо идти туда, а я не знаю куда, я не знаю по-немецки как» [6, л. 15]. Таким образом, у обреченных на рабскую долю все более нарастало понимание невозможности предсказать, за что тебя поощрят или накажут. Побои, порка, различные издевательства были обычным делом по пути следования: «Пришел немец, комендант эшелона, в пьяном виде, выстроил нас с помощью солдат, которые нас охраняли, и повел. Шли мы через какое-то местечко, было 12 часов ночи. Пьяный комендант несколько раз останавливал нас, строил и заставлял петь. Свыше трехсот голосов мужчин нарушало ночную тишину польского местечка. Пели и «Тачанку», и «Запрягайте хлопцы коней», но как следует петь не могли. Тогда комендант останавливал, ругался на ломанном русском языке и опять заставлял петь. <...> Всю дорогу по Украине отношение к нам со стороны сопровождающих было, можно сказать, безбожным. По дороге мы замечали, что везде на станциях главенствующую роль играли немцы-железнодорожники» [21, л. 39].

Очутившись в замкнутом пространстве вагона, будущие рабы Третьего рейха уже не могли в нормальных условиях удовлетворить самые примитивные человеческие потребности в еде, воде, сне, тепле, санитарно-игиеническом уходе, справить естественные надобности и др. На протяжении всего пути зачастую приходилось практически всегда стоять или сидеть на полу. В вагонах делали специальные отверстия в качестве туалетов, ноправлять естественные надобности в присутствии большого количества людей, причем разного пола, это было для многих психологическим шоком. К тому же нехватка воды, которую выдавали на нечастых остановках, приводило не только к естественным мучениям от жажды, но и к ужасной антисанитарии. В холодное время года вагоны не отапливались.

Главным испытанием узников товарных вагонов стал голод. Домашние приспасы еды,

если они были, быстро заканчивались либо изымались по дороге той же охраной: «...поеzd в 7 час. вечера отправился из Ростова. Утром мы прибыли в г. Таганрог. Здесь немцы начали отбирать хорошие вещи и продукты. У меня лично отобрали жареного гуся и белый хлеб, что мне мать дала в дорогу. Когда мы начали плакать, то немцы стали нас избивать» [20, л. 42]. Из протокола опроса Н.В. Нагорного, 1908 г. рождения, уроженца г. Таганрога: «Утром мы были в Варшаве, там нас кормили таким же супом, как и везде...» [21, л. 39]. Уроженка г. Новочеркасска, бывшая узница концлагерей Равенсбрюк и Хельмбрехтс Лидия Арсеньева (Попова) вспоминала: «В Krakове была первая большая остановка, нас поселили на пятом этаже большого дома. В первый раз за всю дорогу нас покормили поляки из какого-то благотворительного общества. Мы спускали им на веревке с пятого этажа что-нибудь из своих носильных вещей, а они, сняв их, привязывали пакет с салом и хлебом и маленькой иконкой божьей-матери» [14, с. 223].

Некоторые во время пути находились в таком отчаянии и состоянии стресса, что забывали о чувстве голода: «...мы сидели у бараков и плакали. У нас харчи остались, потому что мы всю дорогу плакали. Мы не кушали. А тут говорили “давайте, девчата, покушайте, а то у нас все равно отберут и выкинут”. Лысые остались, у нас все позабирают. Давайте хоть покушаем, мы говорили, перед смертью» [6, л. 17].

По пути следования могла проводиться дезинфекция одежды, вагонов и организовывался поход в баню, который для женщин и, особенно, молодых девушек, превращался в очередное испытание и унижение личного достоинства. Студентка Ростовского педагогического института Л. Матвиенко вспоминала: «В Лодзи нас обещали накормить, сводить в баню... Под конвоем шли мы по городу, провожаемые сочувственными взглядами прохожих. В бане нам предложили сдать свои вещи в камеру хранения, а одежду – в дезинфекцию. Из раздевалки мы, девушки, должны были проходить через дверь, в которой стояли двое конвойных. По бане бесцеремонно расхаживали немецкие солдаты. Они нагло рассматривали нас, громко ржали и, потеша-

ясь, повертывали, ощупывали девушек, награждая их шлепками по голому телу. Помыться не удалось... Утром нас снова втолкнули в те же самые грязные вагоны и повезли дальше» [7, с. 67].

Медицинской помощи в дороге также не оказывалось, а умиравших хоронили на остановках, прямо возле вагонов. Еще в начале 1942 г. Гитлеру докладывали об условиях, при которых происходит транспортировка «восточных рабочих». В частности, министриаль-директор, руководитель V главного отдела в имперском министерстве труда и рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении четырехлетним планом В. Мансфельд заявлял о том, что открытые и неотапливаемые товарные вагоны использовать для перевозки рабочей силы бессмысленно. Это объяснялось тем, что по прибытии в назначеннное место из вагонов приходилось выгружать трупы [15].

Как отмечает большинство переживших трагедию рабства Третьего рейха, чем ближе поезд приближался к конечному пункту назначения, тем страшнее становилось от неизвестности за свою судьбу, и тем чаще подчеркивалось, что они люди второго сорта: «На следующий день нас остановили на какой-то товарной станции, вокзала не было видно. Мне бросились в глаза люди, выгружающие бочки из вагонов. Одеты они были в одежду с широкими синими полосами. На голове из такого же полосатого материала шапочка и страшно на ногах цепи. Положение наше изменилось. Если на Украине нас останавливали у вокзалов, то переехав польскую границу, нас стали останавливать вдали от станций, говоря, что люди из эшелона загрязняют вокзалы» [21, л. 39].

Не все угнанные покорно принимали свою судьбу и вполне закономерно, что чем моложе был невольник, тем чаще он пытался убежать. Одним из свидетельств является уже упомянутый выше акт № 793, в котором говорится о об угнанных жителях г. Пролетарска. Во время транспортировки части угнанных советских граждан удалось сбежать. Среди них была жительница г. Сальска по фамилии Безуглова [3, л. 12]. Удачно закончился и побег А.М. Подлужной, 1922 г. рождения, уроженки хутора Важковка Каменского района,

которая в феврале 1942 г., доехав в эшелоне до г. Сталино, сбежала и по пути наткнулась на местный партизанский отряд, в ряды которого девушка и вступила [22, л. 63].

Не все побеги молодых людей были удачны. Уроженец Ростова Николай Радионович Зюбенко вместе с тремя товарищами, когда их эшелон прибыл в Днепропетровск, решили устроить побег: «Они из эшелона убежали в село и попросились переночевать у пожилой женщины. Однако, утром их забрали в полицию. Там их били, и, продержав 3 суток, отправили в концлагерь, где уже сидело много мальчиков и девочек. Жизнь в том лагере была очень тяжелой. Подросткам давали 250 гр. хлеба и похлебку, больше в течение дня ничего не давали. Многие из нас не выдерживали и умирали от голода» [20, л. 42]. Также неудачно сложился побег уроженца Красного Сулина Л.А. Руденко, которого с группой подростков пригнали на станцию, загнали в эшелон и отправили на фашистскую каторгу. Вместе с Руденко оказался в эшелоне его друг-одноклассник В. Осикин. В пути «несколько смелых невольников подготовились к побегу. Когда железнодорожный состав мчался по территории Австрии, они ночью взломали дверь вагона и выскошли из него. Среди бежавших были Леня Руденко и Витя Осикин. Фашисты поймали беглецов на другой же день. Под усиленной охраной их отправили на угольную шахту в Фойсберге» [14, с. 88].

Спасти невольников в пути следования могли партизаны. Обычно это происходило на этапах пеших переходов от населенного пункта до станции. Например, партизанский отряд села Марфинка Миллеровского района отбил колонну, состоящую из жителей хутора Селезневка, которых немцы пытались угнать в Третий рейх [5, с. 113]. Подобные случаи происходили и в окрестностях Пятого Яра, и в Казачковом лесу Кашарского района Ростовской области. На этом участке пролегала шоссейная дорога Миллерово – Вешенская, по которой следовали конвои с «восточными рабочими». Действовавший в этом районе партизанский отряд под командованием Б.Н. Сверточина и В.А. Шинкарева не раз спасал угнанных жителей от конвоировавших их немцев и полицаев-коллаборантов [1, с. 18].

Те мирные жители Ростовской области, которые в результате транспортировки доезжали до конечных пунктов назначения, попадали в распоряжение министерства труда и бюро по использованию рабочей силы. Далее эти трудовые ресурсы распределялись в соответствии с экономическими потребностями Третьего рейха. Самым трагичным было положение тех, кто попадал в концентрационные лагеря, но это уже был другой, еще более жестокий этап в жизни «восточных рабочих» – уроженцев Донского края.

Результаты. Транспортировка мирных жителей Ростовской области на принудительные работы в Третий рейх осуществлялась по железной дороге через территорию Украины и Польши исключительно в товарных вагонах. Теоретически вербовочные комиссии должны были обеспечивать питанием невольников в дороге, однако в действительности главным продуктом в пути, как вспоминают большинство «восточных рабочих», был заплесневелый хлеб, и тот в небольшом количестве, либо домашние припасы, которые чудом удалось сохранить. В пути железнодорожные составы проходили дезинсекционные пункты, обычно их было три: на оккупированной территории, на пограничных станциях и на месте назначения. С мобилизованными немецкая охрана в пути следования обращалась жестоко. Многочисленные заболевания на почве постоянного недоедания, недосыпания, невыносимого холода, постоянного избиения приводили в том числе и к гибели во время следования в Третий рейх. В личных воспоминаниях жителей Ростовской области, переживших нацистскую неволю, представлена вся палитра первых эмоций в условиях психотравмирующей ситуации «вагонной изоляции»: тоска по родным, неизвестность, страх побоев, унижение личного достоинства, ужас смерти, смирение, бунтарство и т. д. Самым страшным для многих была невозможность действовать или не действовать по своей воле. Таким образом, во время транспортировки люди вступали в стадию психоэмоциональной перегрузки, связанной как психофизиологическими стрессорами (голод, недостаток сна, боль), так и с переживанием агрессии и насилия, восприятием своих и чужих страданий, смерти других

людей; групповой изоляцией, неопределенностью будущего.

В целом это был первый экстремальный этап, в ходе которого у угнанных на принудительные работы в Третий рейх мирных жителей региона запускался процесс накопления физической и психологической усталости, а также укреплялись представления о том, что «восточные рабочие» – это «недочеловеки», которые пригодны только для обслуживания высшей немецкой расы, и их жизнь не имеет ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева В. А., Трапши Н. А., Жбанникова М. И. Роль партизан и подпольщиков Ростовской области в спасении гражданского населения региона от угона на принудительные работы в Германию в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 11–19.
2. Агеева В. А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики // Известия Кomi научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». 2023. № 5 (63). С. 158–165.
3. Акт № 793 // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–192.
4. Акт Шахтинской городской комиссии по расследованию зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–188.
5. Беницкий А. С., Беницкий Ал. С., Беницкий К. С. Миллеровский район в годы Великой Отечественной войны. Луганск: Глобус, 2013. 357 с.
6. Биографическая коллекция принудительных рабочих (перевод – В. Куликов) // Городской архив г. Люденшайда (Федеративная Республика Германия).
7. Богоявис Н. Зверства немецко-фашистских захватчиков: документы. М.: Воен. изд-во, 1943. 71 с.
8. Дневник Н. Саенко // Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 447.
9. Заявление в Совет Орджоникидзевского района г. Ростова-на-Дону // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–318.
10. Заявление Мироненко Владимира Семеновича, колхозника колхоза им. 17-го партсъезда // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–141.
11. Кринко Е. Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений. Краснодар: Эдарт-принт, 2009. С. 42–60.
12. Кринко Е. Ф., Захарина Е. А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // Наследие веков. 2020. № 2. С. 45–56.
13. Моисеев Е. В. Голос живой памяти: документально-художественное издание. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2017. 378 с.
14. Муратова Л. С. Вернувшиеся из ада. Ростов н/Д: Цв. печать, 2001. 320 с.
15. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. В 8 т. Т. 8. М.: Юрид. лит., 1999. 792 с.
16. Объяснение Кудрявцевой Марии Ивановны, колхозницы колхоза им. 17-го партсъезда // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–141.
17. Объяснительная записка Шкондиной Ольги Дмитриевны, колхозницы колхоза им. 17-го партсъезда // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–141.
18. Принудительный труд 1939–1945. Опыт международного проекта / сост., отв. ред. Н. П. Тимофеева. Воронеж: Науч. кн., 2020. 228 с.
19. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 818 с.
20. Протокол опроса гражданина Зубенко Николая Радионовича // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–221 об.
21. Протокол опроса гражданина Нагорного Николая Викторовича // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–221 об.
22. Протокол опроса Подлужной Анны Мифодиевны // ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26.
23. Сёмин В. Н. Нагрудный знак «OST». М.: АСТ, 2015. 620 с.
24. Справка Ростовской областной чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области от 20 декабря 1944 г. // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–95 об.
25. Шаповалов В. А., Буряк Ю. Ю. Северо-Донецкая и Южно-Донецкая железные дороги в период оккупации (1941–1943 гг.) // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2016. № 15. С. 142–148.
26. Timofeeva N. “Das war der Anfang unseres Unglücks...” – Der Weg in die Fremde in Erinnerung der ehemaligen “Ostarbeiter” // Im Schatten des totalen Krieges: Raubgut, Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeit. Cloppenburg: Museumsdorf Cloppenburg, 2018. S. 267–276.

REFERENCES

1. Agueva V.A., Trapsh N.A., Zhbannikova M.I. Rol partizan i podpolshchikov Rostovskoj oblasti v spasenii grazhdanskogo naseleniya regiona ot ugona na prinuditelnye raboty v Germaniyu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Role of Partisans and Underground Fighters of the Rostov Region in Saving the Civilian Population of the Region from Being Taken Away for Forced Labor in Germany During the Great Patriotic War]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Studies], 2024, vol. 11(1), pp. 11-19.
2. Agueva V.A. Nasilstvennoe peremeshchenie grazhdanskogo naseleniya goroda Taganroga na prinuditelnye raboty v Tretij rejh: opyt kompleksnoj harakteristiki [Forced Displacement of the Civilian Population of the City of Taganrog for Forced Labor in the Third Reich: Experience of Complex Characteristics]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Seriya «Istoriya i filologiya»* [News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”], 2023, no. 5 (63), pp. 158-165.
3. Akt № 793 [Act No. 793]. *Tsentral'nyj dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti* (daleye – CDNIRO) [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 8, l. 1-192.
4. Akt Shahtinskoj gorodskoj komissii po rassledovaniyu zverstv i zlodeyanij nemecko-fashistskikh zahvatchikov [Act of the Shakhty City Commission for the Investigation of the Atrocities and Crimes of the Nazi Invaders]. CDNIRO [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 9, l. 1-188.
5. Benickij A.S., Benickij Al.S., Benickij K.S. *Millerovskij rajon v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Millerovsky District During the Great Patriotic War]. Lugansk, Globus Publ., 2013. 357 p.
6. Biograficheskaya kollekcija prinuditelnyh rabochih (perevod – V. Kulikov) [Biographical Collection of Forced Laborers (Translated by V. Kulikov)]. *Gorodskoj arhiv g. Lyudenshajda (Federativnaya Respublika Germaniya)* [City Archives of Lüdenscheid (Federal Republic of Germany)].
7. Bogovis N. *Zverstva nemecko-fashistskikh zahvatchikov: dokumenty* [Atrocities of the Nazi Invaders: Documents]. Moscow, Voen. izd-vo, 1943. 71 p.
8. Dnevnik N. Saenko [Diary of N. Saenko]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rostovskoy oblasti* (daleye – GARO) [State Archives of the Rostov Region], f. R-3613, inv. 1, d. 447.
9. Zayavlenie v Sovet Ordzhonikidzevskogo rajona g. Rostova-na-Donu [Application to the Council of Ordzhonikidzevsky District of Rostov-on-Don]. CDNIRO [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 13, l. 1-318.
10. Zayavlenie Mironenko Vladimira Semenovicha, kolhoznika kolhoza im. 17-go partseyzda [Statement by Vladimir Mironenko, Collective Farmer of the 17th Party Congress Collective Farm]. CDNIRO [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 1, l. 1-141.
11. Krinko E.F. Repressirovannaya pamyat: vospominaniya nesovershennoletnih «vostochnyh rabochih» [Repressed Memory: Memories of Underage “Eastern Workers”]. *Vtoraya mirovaya vojna v pamyati pokolenij* [Second World War in the Memory of Generations]. Krasnodar, Edart-Print Publ., 2009, pp. 42-60.
12. Krinko E.F., Zaharina E.A. «Vostochnye rabochie»: dinamika predstavlenij i obrazov v SSSR i sovremennoj Rossii [“Eastern Workers”: Dynamics of Representations and Images in the USSR and Modern Russia]. *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries], 2020, no. 2, pp. 45-56.
13. Moiseev E.V. *Golos zhivoj pamyati: dokumentalno-hudozhestvennoe izdanie* [Voice of Living Memory: Documentary and Artistic Edition]. Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhn. feder. un-ta, 2017. 378 p.
14. Muratova L.S. *Vernuvshiesya iz ada* [Returned from Hell]. Rostov-on-Don, Cv. pechat Publ., 2001. 320 p.
15. *Nyurnbergskij process: Sbornik materialov. V 8 t. T. 8* [Nuremberg Trials: Collection of Materials. In 8 Vols. Vol. 8]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1999. 792 p.
16. Obyasnenie Kudryavcevoj Marii Ivanovny, kolhoznicy kolhoza im. 17-go partseyzda [Explanation by Kudryavtseva Maria Ivanovna, Collective Farmer of the 17th Party Congress Collective Farm]. CDNIRO [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 1, l. 1-141.
17. Obyasnitelnaya zapiska shkondinoj Olgi Dmitrievny, kolhoznicy kolhoza im. 17-go partseyzda [Explanation Note by Olga Shkondina, Collective Farmer of the 17th Party Congress Collective Farm]. CDNIRO [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 1, l. 1-141.
18. Timofeeva N.P., ed. *Prinuditelnyj trud 1939–1945. Opyt mezhdunarodnogo proekta* [Forced Labour 1939–1945: Experience of an International Project]. Voronezh, Nauch. kn., 2020. 228 p.
19. Polyan P.M. *Zhertvy dvuh diktatur. Zhizn, trud, unizheniya i smert sovetskikh voennoplennyy i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships. Life, Labor, Humiliation, and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters Abroad and at Home]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 818 p.

20. Protokol oprosa grazhdanina Zyubenko Nikolaya Radionovicha [Protocol of the Interrogation of Citizen Zyubenko Nikolai]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 27, l. 1-221 r.
21. Protokol oprosa grazhdanina Nagornogo Nikolaya Viktorovicha [Protocol of the Interrogation of Citizen Nikolai Nagorny]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 27, l. 1-221 r.
22. Protokol oprosa Podluzhnoj Anny Mifodievny [Protocol of Interrogation of Podluzhnaya Anna Mifodiyevna]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-3, inv. 1, d. 26.
23. Semin V.N. *Nagrudnyy znak «OST»* [OST Chest Badge]. Moscow, AST, 2015. 620 p.
24. Spravka Rostovskoj oblastnoj chrezychajnoj komissii po uchetu ushcherba i zlodeyanij, nanesenniyh nemecko-fashistskimi okkupantami uchrezhdeniyam, predpriatyam i grazhdanam g. Rostova i Rostovskoj oblasti ot 20 dekabrya 1944 g. [Certificate of the Rostov Regional Extraordinary Commission for the Recording of Damage and Atrocities Inflicted by the Nazi Occupiers on Institutions, Enterprises and Citizens of the City of Rostov and the Rostov Region, Dated December 20, 1944]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 22, l. 1-95 r.
25. Shapovalov V.A., Buryak Yu.Yu. Severo-Doneckaya i Yuzhno-Doneckaya zheleznye dorogi v period okkupacii (1941–1943 gg.) [North Donetsk and South Donetsk Railways During the Occupation (1941–1943)]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istorija. Politologiya* [Scientific News. Series History. Political Science], 2016, no. 15, pp. 142-148.
26. Timofeeva N. “Das war der Anfang unseres Unglücks...” – Der Weg in die Fremde in Erinnerung der ehemaligen “Ostarbeiter”. *Im Schatten des totalen Krieges: Raubgut, Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeit*. Cloppenburg, Museumsdorf Cloppenburg, 2018, S. 267-276.

Information About the Author

Valentina A. Ageeva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Anton Chekhov Taganrog State Institute (branch) of the Rostov State University of Economics, Initiativnaya St, 48, 347924 Taganrog, Russian Federation, ageewa.75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>

Информация об авторе

Валентина Анатольевна Агеева, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета, ул. Инициативная, 48, 347924 г. Таганрог, Российская Федерация, ageewa.75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>